

4 апреля 1976, 25 апреля

В Ленинградском театре юных зрителей идет спектакль со странным, странным названием — «Думая о нем...». Попаста на этот спектакль тем не менее сложно. Официально он «для старшеклассиков», но на него идут не только классами, но и курсами, идут иниммеры, рабочие, педагоги — люди давно не школьного возраста. Тот, кто уже посмотрел спектакль, стремится попасть на него снова. За один раз его действительно трудно «освоить» — разобраться до конца в мыслях, в проблемах, которые он ста-

вкт. Не случайно даже на афишу театр вынес слово — «думать».

Автор пьесы — драматург Вольф Долгий. Постановщик — главный режиссер театра Зинаид Коргодский. Режиссеру не являлось преподнести зрителям сюрприз. То он ставит шуточные балет, оперу и оперетту по сказкам Чуковского, то затевает на сцене игру в цирк, то сочиняет пародию на нашу и мировую эстраду. На сей раз Коргодский избрал совсем неожиданное: спектакль-диспут.

Ничего похожего, во всяком случае мне, видеть еще не приходилось. Этот спектакль театр в буквальной смысле слова преодолел рампу, шагнул со сцены в зал и взял зрителей в число главных действующих лиц. Без участия зрителей этот спектакль сыграть вообще невозможно.

Как это удалось театру, я расскажу позже. Сейчас важнее определить, ради чего решился театр на ломку сценических канонов.

Тут необходим экскурс в недавнюю историю.

Летом 1972 года тракторист Анатолий Меразов из колхоза имени Чапаева Рязанской области, спасая от пожара хлебное поле, получил серьезные ожоги и спустя несколько дней умер. О Меразове тогда много писали газеты. Юноша был посмертно награжден орденом «Знак Почета».

Но поступок Меразова не все оценили одинаково, он вызвал бурю разноречивых мнений.

Ради чего погиб Меразов? Ради спасения нескольких центнеров пшеницы и трактора? Не слишком ли мала их цена перед ценой человеческой жизни? Так думали одни. А вот мнение других. Меразов совершил великий подвиг, потому что, что не зная о том, ради чего рискует собой. Батородный душевный порыв несовместим с расчетом.

Согласитесь, ведь действительно не легко и не просто разобраться в том, что такое подвиг в мирное время. Что мы вправе считать подвигом, а что чуждым случайной трагедией. Вот на эту сложную тему и предложил нам разговор Ленинградский театр юных зрителей в своем новом спектакле. И не разговор даже, а спор, открытую дискуссию во время спектакля.

«Думая о нем...» — это думая о Меразове. Спектакль открывает «человек от театра» — артист Николай Иванов. Он подходит к рампе и говорит, о чем будет спектакль и о чем театр предлагает подискутировать со зрителем. Своим мнением, говорит он, зрители могут высказаться прямо по ходу спектакля. Можно послать записку на сцену. Можно подать реплику из зала. И не бойтесь прервать действие. Хотите высказаться — вставайте и говорите.

Затем начинается спектакль. На сцене — реальные участники и свидетели того, что произошло летом 1972 года на поле колхоза имени Чапаева. Я говорю «реальные», ибо актеры играют не вымышленных, а реальных людей и произносят слова, которые эти люди действительно говорили — драматургу, журналистам, своим соседям, родным. Об Анатолия рассказывают отец и мать — Алексей Михайлович и Нина Петровна, жена Валя, напарник — тракторист Николай Вагня. Они ведут рассказ, а на сцене время от времени появляются тоже реальные люди, у которых уже сложилось твердое мнение о поступке Меразова, — это актеры писем в газеты. «Смерть Анатолия — трагедия, которой нет оправдания», — говорит один. «Поглощать за поле и трактор, извините, в наше время нерентабельно». «Если бы Меразов знал, что идет на смертельный риск, он не бросился бы в огонь», — утверждает другой.

И возникла на сцене пока еще не открытая, но подмеченная, возникла в зале работа мысли. Причем театр сразу же предложил своим зрителям мыслить не в общих категориях: когда человек, рискуя собой, бывает прав, а когда нет? Зрителю предлагается проанализировать конкретный случай: вот этот человек в этих обстоятельствах — прав или не прав? На абстрактном уровне решать правственные проблемы ведь куда легче, чем разобраться в конкретном жизненном случае.

И начинала тонкошко шевелиться в зале бумага. Белые листочки-записки медленно потекли к сцене. И вот уже легли на рампу: одна, две, пять,

десять... «Человек от театра» собрал их, ушел в глубины сцены, стал читать. А на сцене продолжался рассказ о Меразове. Все новые и новые факты того дня, эпизоды детства, вот что Толя говорил матери, жене, друзьям... По крупицам, по черточкам, все четче проступал перед зрителями облик молодого человека наших дней. Проступал за привычные слова, за незначительность бытовых эпизодов.

Уверен: некоторые зрители, особенно молодые, на этом спектакле первый раз в жизни ощутили, осознали огромную важность бытового, повяли, что из этого бытового, даже серого, можно извлечь большую мысль, увидеть суть человеческого характера.

На сцене продолжался рассказ о

принадлежал в голову мысль — не всегда верная мысль. Вы согласны? Зал одобрительно захопал в ладоши.

Открытая дискуссия на этом закончилась. Общим согласием: надо еще подумать, надо доискаться до истины самому.

И вновь вышли на сцену актеры. Теперь они поведали рассказ уже не только о Меразове, а о том, как к его поступку отнеслись самые близкие люди — жители деревни Прудакские Выселки.

Оказывается, они очень скоро забыли о Меразове. Ибо забыли о родителях Толи, о его жене. Валя ждала ребенка, но жила в тесной пятиметровой комнате, на работу ходила за много километров. И никто из правления колхоза не догадался переселить женщину в луч-

«ДУМАЯ О НЕМ...»

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЮЗА

Меразове. И все так же прерывается, он репликами людей, которых авториз, а то и просто возмущил поступок тракториста. Их доводы — веские, логичные, серьезные. Тут нет игры «в подкалки»: театр не провоцирует зрителей на легкую победу над несогласными. Кто победит — неизвестно. Ибо — скажу, — забегая вперед, — среди зрителей сегодняшнего спектакля оказались те, кто тоже считает поступок Меразова досадной трагедией и не больше.

Но лед тронулся — за «заработал». И надо теперь дать ему возможность задумать удивленное и услышанное. Надо сделать паузу. И в спектакле, который, казалось бы, только начался, делают перерыв.

...К началу второго действия рампа оказалась заваленной записками. Собственно, и действие-то началось с чтения этих записок. И сразу же стало ясно: серьезный разговор театра с молодежью — без вставлений, готовых рецензий, подзасок — оправдал себя полностью. Плоский ответ типа «прав — не прав», в которых могла захлебнуться дискуссия, почти не оказалось. «Думая о нем», о конкретном человеке, зрителя, тем не менее, размышляли о всечеловеческих, общежитейских проблемах.

«Человек от театра» читал записки залу — и то комментировал их, то спорил с ними. Никакого заранее написанного текста у артиста Николая Иванова, разумеется, не было, не могло быть — шла настоящая импровизация. И сидение в зале являлись каждому его слову. Ведь это их мнение сейчас выносил актер на всеобщее обсуждение. «Хитрость» ведущего записывалась, пожалуй, лишь в том, что читал он записки наиболее полемичные, возмущающие в спору. Такие, скажем: «Самое дорогое у человека — жизнь? Я не согласен с этим. Когда надо защищать идеалы, принципы, любовь или еще что-то сверхважное для человека, он, по-моему, сознательно рискует отдать за это свою жизнь».

И спор разгорелся. «Я не согласен!» — раздалось вдруг из зала. Встав паренек, смело начал доказывать свою точку зрения на то, что такое подвиг в сегодняшней мирной жизни. «Неверно!» — вновь раздалось в зале. — «Можно мне сказать...»

Зал то одобрительно, то возмущенно вздыхал — во каждого слушателя являлось. Вот вскочил паренек, темпераментно начал рубить рукой воздух: «Давайте проголосуйте! Всем театром! Как оценить поступок Меразова...»

Тут решительно вмешался «Человек от театра»: «Неужели все считают, что такой вопрос можно решить голосованием, что большинство и будет прав? Я думаю, такой вопрос каждый должен решить для себя сам! И не торопясь. Первая

шую квартиру, найти ей работу поближе. Обгоревший трактор Меразова поставили около сарая — у дороги, по которой мать Толи ходит на работу и с работы. И никто даже не подумал, что эта груда обгоревшего железа каждый день приносит Нине Петровне новые страдания...

Но не ради осуждения односельчан Толи Меразова задумано и играется второе действие спектакля. Театру важно было заставить своих зрителей вновь докопаться, задуматься до самого важного: почему так случилось? Почему подвиг даже очень близкого человека не восхитил, а лишь и гордостью почти на одно сердце? Разве в деревне живут какие-то особо честные люди? Нет, конечно, обычные люди — такие же, как все. В чем же дело? Трудный вопрос. Касающийся все того же — умения умом и сердцем оценить то, что происходит вокруг тебя.

В зале снова напряженная тишина. Люди снова думают, ищут ответа, ибо уже знают: театр ответ не подкажет.

Увы, подсказал. Вложил одному из персонажей слова о том, что подвиг Толи Меразова в его селе подвигом не считают. Ибо Толя был свой, местный, а значит, обычный — «как все». Случись это не у них — вот тогда бы горы своротили! А тут... что особенного!

Ответ подсказал, но звучит он, как серьезное напоминание каждому: современный герой и не может быть неким сверхчеловеком, он такой же, как все, как вы. Так учтите же видеть тех, кто рядом, учтите видеть высокое и чистое в товарищах своих.

В конце спектакля актеры выходят на сцену с букетами живых цветов. Идут к рампе и кладут на нее цветы — как к подножию памятника Герою Наших Дней. И в едином порыве встает зал — в торжественном молчании.

И тут заметил я: на рампе, рядом с букетами, опять лежат десятки записок. Разговор не кончился. Эти записки уже не успеет прочесть ведущий сегодня. Он прочтет их на следующем спектакле — завтра. И часть сегодняшних зрителей завтра снова придет в зал...

Удивительный спектакль создал Ленинградский театр юных зрителей. Лишь посмотрев его, осознаешь: как нам, оказывается, не хватает таких вот откровенных, серьезных, умных театральных спектаклей-диспутов. Диспутов в прямом значении этого слова. Какая это благодатная форма для высказывания необходимых мыслей о времени и человеке, сколько такие диспуты в театральном зале могут пробудить высоких гражданских страстей и благородных движений души!

Ю. СКВОРЦОВ